

В СЕРИИ
«МИРЫ РАТКЕВИЧ»
ВЫШЛИ:

«ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ»:

ДЕРЕВЯННЫЙ МЕЧ
РУКОЯТЬ МЕЧА
МЕЧ БЕЗ РУКОЯТИ

«НАЙЛИССКИЙ ЦИКЛ»:

ТАЭ ЭККЕЙР!
ЛАРЕ-И-ТА'Э

ВНЕ ЦИКЛА:

ВРЕМЯ ЗОЛОТА, ВРЕМЯ СЕРЕБРА
ПАРАДОКСЫ МЛАДШЕГО ПАТРИАРХА
НАЁМНИК МЁРТВЫХ БОГОВ
ДЖЕТ ИЗ ДЖЕТЕВЕНА

Элеонора
Раткевич

ДЕРЕВЯННЫЙ
МЕЧ

Москва
T8 RUGRAM
2019

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
Р25

Раткевич, Э.

Р25 Деревянный меч / Э. Раткевич. – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2019. – 572 с. – (Миры Раткевич).

ISBN 978-5-521-74069-7

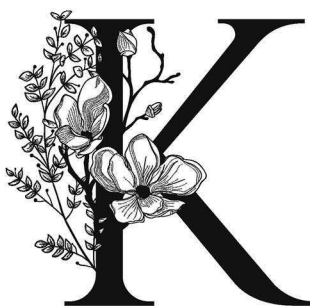
Покинув родной деревенский дом, юный Кенет даже не подозревал, какой долгий и трудный путь ему предстоит. Стать учеником таинственного воина, обрести магическое мастерство и вступить в смертельную борьбу с великим чёрным магом Инсанной...

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-74069-7

© Элеонора Раткевич, текст, 2019
© Т8 RUGRAM, оформление, 2019
© Т8 Издательские технологии, 2019

ПРОЛОГ

огда на влажном медленно темнеющем небе показались первые вечерние звезды, Кенет с сожалением разогнулся, отряхнул руки, окинул взглядом политый и прополотый огород и поспешил умыться.

Пора ужинать. Есть Кенету не хотелось. Ему вообще не хотелось идти домой. Но пока он не сядет за стол, мачеха не даст ужинать ни Кайрину, ни малышу Бикки. Ничего не поделаешь, придется поторапливаться. Кенет наскоро ополоснулся, натянул рубаху и побежал в дом.

— Ну и где же ты шлся? — нараспев спросил малыш Бикки, важно заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок и обратно.

— Огород полон, — отрывисто бросил Кенет. Он едва сдержался, чтобы не добавить: «Мог бы мне и помочь. Не такой уж и маленький, шесть годиков стукнуло».

Кенет сел за стол. Широкая столешница была отражена до желтизны, как всегда в последнее время, как никогда при жизни отца. Кайрин, его сводный брат, неторопливо уселся напротив. Бикки стремглав юркнул на свое место и радостно застучал ложкой по столу.

— Ужинать, ужинать!

Лицо мачехи пошло белыми и красными пятнами. Она выбрала самую большую и красивую миску и протерла ее полотенцем, хотя нужды в этом не было. Потом она зачерпнула из котелка горячей дымящейся похлебки и наполнила ею миску почти до краев. Кенет внутренне напрягся, готовый вскочить, если потребуется.

— Ешь, гаденыш!!!

Мачеха грохнула миской об стол с такой силой, что часть похлебки выплеснулась. По счастью, обжигающее варево не попало Кенету на колени, и вскакивать ему не пришлось.

— Ешь, ешь! Чего уставился? Через два года ты нас всех по миру пустишь. А пока ешь!

Внезапно Кенет понял, что после целого дня тяжелой работы он голоден до головокружения. Похлебка была его любимая, рыбная. Ароматная, густая, подернутая янтарно-золотистым жирком. Рыбу он наловил вчера ночью. Он взялся за ложку, зачерпнул, но проглотить так и не смог. Помедлил, зачерпнул снова — и снова опустил ложку.

— Мама, мама, — капризничал Бикки, — рыбки хочу!

— Нельзя, — отрезала мачеха. — Жареной рыбки мало. Только для твоего брата.

Нечего было и сомневаться, что мачеха имела в виду отнюдь не Кайрина.

Бикки захныкал. Мачеха отвесила ему подзатыльник. Бикки заревел в голос.

— Я не хочу, — с трудом выдавил Кенет.

— Что так? — прищурилась мачеха. — Не по вкусу тебе, богатенькому, наши разносолы?

— Я очень устал сегодня, — глядя в сторону, проговорил Кенет. — Просто кусок в горло не идет.

— А это правильно, правильно, — прошипела мачеха. — Кто же будет на земле работать, как не хозяин?

У Кенета сжалось горло. Не в силах ответить, он украдкой взглянул на Кайрина. Неужели сводный брат, старший товарищ

его детских игр, не придет ему на помощь? Обычно Кайрин всегда вступался за него во время вечерних ссор.

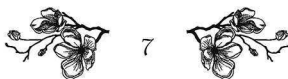
— Зачем вы так, матушка? — возразил Кайрин. — Кенет и в самом деле устал. Он ведь не виноват, что я ногу вывихнул и он все один да один.

Кенет хотел было ему напомнить, что ногу Кайрин вывихнул недели две назад, но после того, как тот за него вступился, подобный намек был бы прямой неблагодарностью. Кенет шумно перевел дыхание и устался на остывающую похлебку.

Лицо мачехи вновь покрылось пятнами, она явно хотела что-то сказать, но смолчала. Бикки, выпросив жареную рыбу, блаженствовал, не вступая в разговор старших, да и сам разговор оборвался. Мачеха и Кайрин доели ужин в угрюмом молчании. Бикки, мурлыча от удовольствия, как котенок, разделялся с рыбой. Даже Кенет смог проглотить несколько ложек похлебки.

Из-за стола он встал последним. Похлебка давно остыла, а доесть ему так и не удалось. Кенет быстро огляделся — не видит ли кто, — взял миску, вышел во двор и вылил похлебку дворовому псу в плошку. За последние месяцы пес разбелся до неузнаваемости, шерсть его стала гладкой и приятно лоснилась.

Так — или почти так с незначительными отступлениями — проходил каждый вечер. С тех самых пор, как отца в лесу задавило насмерть упавшим деревом, и Кенет остался единственным прямым наследником, житья ему в доме не стало. Напрасно он втолковывал мачехе, что и в мыслях никогда не держал захватить все имущество себе. Мачеха будто помешалась. Она все твердила, что через пару лет, когда Кенет станет совершеннолетним и получит право распоряжаться хозяйством, он ее с сыновьями из дома выгонит, что он спит и видит, как бы лишить братьев куска хлеба. Кенет по целым дням не показывался дома, уходя в поле еще до зари, чтоб лишний раз не попадаться мачехе на глаза, — а вечером его встречали попреками: «Ишь как на

себя старается, скопидом! Когда отец был жив, небось так не старался!»

Что верно, то верно: когда отец был жив, Кенету не приходилось так надрываться. Сын мачехи от первого брака, молчаливый красавец Кайрин, хотя бы изредка помогал ему. Зато малыш Бикки, настырный надоеда, стал и вовсе невыносим. Раньше Кенет обращался с ним с той добродушной прохладцей, с которой только и можно относиться к брату младше тебя почти на десять лет. Иногда он снисходительно возился с малышом, лепил для него глиняных зверюшек и свистульки, но чаще беззлобно прогонял его, когда они с Кайрином затевали свои игры. Теперь же Бикки с удивительной легкостью перенял мачехины речения и усвоил отвратительную привычку задавать вопросы вроде: «Ну и скоро ты нас ограбишь?» Дать ему по уху у Кенета рука не подымалась. Сопляк ведь не понимает толком, что его слова отвратительны. Мама так говорит — почему бы и ему так не сказать? Кайрин хотя бы не изводил Кенета попреками, но его молчаливая поддержка и даже заступничество мало что меняли.

За месяцы, минувшие со дня смерти отца, Кенет сильно исхудал, и отнюдь не с горя: некогда ему было горевать. Но кусок, приправленный вечными укорами, не лез в горло. Кенет почти свыкся с постоянным голодом, почти не замечал мучительной боли в желудке, сидя за накрытым столом. За ужином он почти ничего не ел. Иногда он ел по ночам: дома ему в последнее время не спалось, и он уходил на реку порыбачить. Случалось, он даже работал по ночам, засыпая ненадолго с рассветом.

Сегодня Кенету определенно не хотелось спать, но он слишком устал, чтобы работать. Может, пойти раков наловить? Да, пожалуй. Малыш Бикки любит раков. И мачеха тоже. Может, после любимого лакомства хоть один вечер помолчит на радостях? Да, решено. Взять ведро и ловушки — и на речку. Нарвать свежей крапивы, лягушек наловить — и на речку!

Босиком, стараясь не наступить на скрипучую половицу, Кенет направился в сени за ловушками. Внезапно его внимание привлёк доносящийся из-за двери голос Кайрина. Кенет невольно затаил дыхание и прислушался.

— Вы, матушка, не забывайте, — степенно рассуждал Кайрин, — Кенет и впрямь единственный законный наследник. Бикки — младший, и получит он жалкие крохи, а я так и вовсе сбоку припека. А если вы будете и дальше на Кенета злобиться, он нас и в самом деле по миру пустит. Неужели вам так трудно вести себя с ним поласковее? Вот хоть как я, например...

Кенет отскочил от двери. Услышанное таило в себе чудовищный смысл. Так вот почему Кайрин вступался за него!

Кенет опрометью бросился к своей постели. Он уже не старался двигаться бесшумно. Все давно привыкли, что дома он почти не ночует. Значит, до вечера его не хватятся. А может, и еще день-другой. Какая разница? Все равно он уйдет отсюда. Он больше не в силах терпеть — ни дня, ни часа.

Беззвучно всхлипывая, он вытащил из-под кровати свой сундучок со старым барахлом. Где же кафтан? Он не возьмет из дома ничего, ни единого гроша, он не наденет красивую новую рубашу или праздничный кафтан. Где-то на дне сундука хранится его старый кафтан, который мачеха собиралась перешить для Бикки, когда тот подрастет, потом раздумала, но почему-то не выбросила. Где же он? Ага, вот. Кенет развернул кафтан и оглядел со всех сторон. Пожалуй, сгодится. Полгода назад кафтан был бы ему непристойно тесен, но с тех пор Кенет изрядно отошал.

Кенет торопливо надел кафтан. Да, на груди сходится. Правда, Кенет не только отошал, но и здорово вытянулся. Кафтан едва закрывает колени. Ладно. На приличный кафтан, достоящий, как положено, до середины икр или почти до щиколоток, он себе заработает, и скоро, а покуда можно и в таком платье походить.

Кенет аккуратно сложил рубашку, уложил ее в сундучок, закрыл его и задвинул под кровать. Вот теперь можно и уйти.

— Кени, — окликнул его Бикки сонным шепотом.

— Что тебе? — так же шепотом спросил Кенет. Бикки поднял взъерошенную головенку. Кенет, проклиная в душе все на свете, присел на край его кровати.

— Страшный сон приснился?

Бикки помотал головой, выпростал ручонку из-под одеяла и положил Кенету на колено.

— А ты мне завтра кораблик из коры сделаешь? — спросил он. Кенет едва подавил сухое рыдание.

— Сделаю, — отрывисто пообещал он.

— Тогда хорошо, — удовлетворенно прошептал Бикки, погладил колено брата, откинулся на подушку и через мгновение крепко заснул.